

**ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ В ГОРОДНЕ
И ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ ПАМЯТНИКА***А. М. Салимов*

В тридцати километрах к юго-востоку от Твери, недалеко от того рубежа, где начинается территория Московской области, на крутом берегу Волги стоит небольшой одноглавый белокаменный храм (ил. 1–2). Вот уже несколько столетий он является неотъемлемой частью удивительного природного ландшафта, украшая высокий холм на изгибе речной излучины. Речь в данном случае идёт о Рождественской церкви села Городни, которая осталась единственным из числа многочисленных храмов эпохи тверской независимости дожившим до наших дней. Хотя справедливости ради следует отметить, что до 1485 г. каменная церковь в этом населённом пункте, который тогда назывался Вертязин, ни разу не попала на страницы летописей.

Первое и единственное упоминание Богородичного храма в Городне фиксируется под 1412 г., когда «месяца октября в 31 день, на ночь ... погоре Городен на Волге, и церковь пречистыа Богородицы, и двор княжь, и многа имена и жита, и запас всякой погоре»¹. Допускаем, что сгоревшая постройка была возобновлена весной следующего года или несколько позже в процессе восстановления Городни после пожара: «месяца марта в 19 день, в день неделный, князь Александр Иванович Тверский паки заложил Городен и приставил людей множество Тверич и Кашинцев, и срублен бысть вборзе»².

По мнению Н. Н. Воронина, в XV в. какие-то работы по укреплению этой небольшой княжеской крепости проводились во времена Бориса Александровича (1425–1461). Исследователь полагал, ссылаясь на «Инока Фомы слово похвальное»³, что возобновлённый Борисом Тверским в период его правления запустевший «за многыя лета» небольшой «град в области Клинской» и есть, по всей видимости, Городня⁴.

«Соборная» Рождественская, «что на Городне», церковь и её Иоанновский придел были отмечены дозорной книгой середины XVI в. Эта же опись зафиксировала в бывшем Вертязине несколько монастырей⁵. Однако наиболее ранним источником, где присутствует указание на материал и время постройки храма, считается дозорная книга 1614 г.: «Церковь Рождество Пресвятыа Богородицы, что на Городне, соборная церковь да придел Иоанна Предтечи каменная, строенье великого князя Бориса Александровича Тверского. А в церквах образа и всякое строенье церковное князя Бориса Тверского»⁶. Иных ктиторов и соответственно другую датировку храма предлагает описная книга князя В. В. Кропоткина 1667 г.: «В селе Городне на берегу Волги осыпь, а в осыпи церковь Рождества пречистыа богородицы, а в пределе Рождества Иоанна Предтечи каменная, в церкви стенное письмо ветхо. В церкви ж царския двери да месная икона Рождества богородицы, другая Иоанна

Предтечи, да у церкви с левыя стороны двери — курсунское дело, на колокольне один благовестный колокол, и под церковью погреб, в погребе образ чудотворца Николая настенное письмо, строения великих князей Тверских князя Ивана Михайловича и сына ево князя Александра Ивановича»⁷. Все эти источники, а также следующая по времени межевая книга 1677 г. отмечают высокий социальный статус Городни, связывая её или со старшей ветвью тверских князей, или с владениями царской фамилии⁸. Хотя известно, что в XVI в. село на какое-то время передавалось служилым татарским князьям, а в 1660-е гг. оно принадлежало А. И. Морозову, состоящему в тесном родстве с царём Алексеем Михайловичем. Брат Морозова, Б. И. Морозов, и Алексей Михайлович были женаты на сёстрах Милославских — Марии и Анне⁹. Заметим, что к началу 1660-х гг. относится наиболее раннее изображение церкви Рождества Богородицы, выполненное художниками посольства барона А. Мейерберга (ил. 3)¹⁰.

После опалы Морозова Пётр I сначала вернул Городню в состав дворцовых владений, а затем передал её А. Д. Меньшикову, собственностью которого село было вплоть до отправки его в 1727 г. в Сибирь. Однако дворцовым оно не стало. На этот раз уже Пётр II подарил село бригадиру Петру Алексеевичу Бему, роду которого оно принадлежала до начала XIX в.¹¹

Из документов, связанных с этим владельцем, мы узнаём, что в 1716 г. Рождественская церковь сильно пострадала от пожара и до начала 1740-х гг. стояла «праздна и бес пения». Это обстоятельство в 1740 г. подвигло бригадира Бема начать ремонт церкви¹², который, по всей видимости, завершился к 1745 г., поскольку клировые ведомости конца XVIII в. свидетельствуют о её возобновлении в 1745 г.¹³

В процессе ремонта, выполненного по инициативе П. А. Бема, облик храма претерпел существенные изменения, поскольку к западному и отчасти северному фасадам была пристроена одноэтажная трапезная, на западном торце которой возвели шатровую колокольню (ил. 4). С этой перестройкой связано появление (в трапезной) нового придела во имя Симеона Богоприимца и Анны пророчицы¹⁴. После его устройства существовавший в Средневековье в юго-восточном компартименте храма Иоанно-Предтеченский придел решено было, по всей видимости, не возобновлять. Вероятно, тогда же церковь лишилась своего живописного завершения, зафиксированного на рисунке из альбома А. Мейерберга (ил. 3) и приобрела четырёхскатную кровлю. Изменилась и форма главы, так как первоначальный барабан нарастили небольшой главкой.

Устроенные в первой половине 1740-х гг. на основном объёме храма и его главе тесовые покрытия к концу 1750-х гг. обветшали, и их решено было заменить. При этом кровлю четверика вновь покрыли тёсом, а купол сделали металлическим¹⁵.

Необратимые изменения произошли, по-видимому, в тот период и в интерьере. При объединении трапезной с основным объёмом на месте западного портала устроили широкий арочным проёмом, и тогда же, вероятно, был растёсан ряд оконных проёмов четверка и апсид. Исследователи, занимавшиеся реставрацией храма, допускают, что часть древних фресок могла быть сбита ещё в 1740-е гг.¹⁶, однако полномасштабное уничтожение древних росписей произошло, по всей видимости,

---

в XIX в., поскольку среди документов, относящихся к этому столетию, есть целый ряд источников, фиксирующих обновление штукатурки и покраску стен внутри церкви (1819–1823, 1849, 1894, 1897 гг.)¹⁷. Исправлялась живопись в городническом храме и в начале XX в.¹⁸

В настоящее время наиболее древняя часть комплекса представлена небольшим кубическим одноглавым храмом, где к четверику с востока примыкают три полуциркульные в плане апсиды. Церковь стоит на достаточно высоком подклете, вход в который устроен с южной стороны здания. Освещается подцерковье небольшими окошками. Неправильной формы апсиды подклета не увязаны между собой проёмами, поскольку межальтарные стенки являются одним целым с теми кладочными массивами, которые служат опорами под восточные столбы верхнего храма. В свою очередь западные столбы — это отдельно стоящие опоры.

Лицевая кладка подклета отличается от фасадных плоскостей церкви более грубой обработкой внешней поверхности белокаменных блоков. Кроме того, храм имеет плоские лопатки, большинство из которых сходит на нет в верхней зоне памятника, и наделённые изящными лопастными перемычками окна. Оконные проёмы северного и южного фасадов расположены достаточно хаотично на плоскости стены, иногда врезаясь в фусты лопаток (ил. 5).

Перспективные порталы достаточно высоки. На их колонках нанизаны бусины с «воротничками», а капители и базы являются как бы половинками украшенных лепестками (капители) или разбитыми на дольки (базы) бусин. Архивольты порталов имеют небольшие килевидные подвышения. Полуколонки с базами «полубусинами» декорируют и апсиды, располагаясь между алтарными полукружиями. Поверхности апсид членятся плоскими лопатками, которые вверху и внизу имеют криволинейные расширения.

Откровенно декоративен 12-оконный барабан храма, окна которого оформлены наличниками. При этом их венчающая лопастная часть повторяет лопастные перемычки проёмов. На первоначальном барабане установлена поздняя главка с луковичным куполом.

Внутри четырёхстолпная верхняя церковь имеет несколько необычную организацию пространства. Весьма близко поставленные к стенам столбы делают довольно широкими рукава креста, а средний неф значительно шире боковых. Крестообразность пространства подчёркнута решением угловых компартиментов, при этом в западных углах достаточно высоко располагаются палатки, не имеющие под полом сводов. Со стороны западного рукава креста палатки имеют арочные (с лопастным верхом) проёмы. Снаружи камеры освещались узкими оконными проёмами с лопастными завершениями.

Своды восточных углов значительно ниже западных. На разных отметках находятся шельги арок восточных угловых компартиментов, выходящих в рукава креста. С восточным рукавом углы храма связаны низкими арками, а с поперечным нефом — высокими.

Переброшенные между столбами подпружные арки в продольных рукавах слиты со сводами, а с севера и юга это — повышенные ступенчатые конструкции.

В рамках подкупольного квадрата подпружные арки образуют в плане ромб со стянутыми к центру гранями. Эта конструкция служит опорой для конусообразного основания под барабан, который гораздо уже (в полтора раза) подкупольного квадрата.

В начале 1820-х гг. церковь Рождества Богородицы в Городне, пожалуй, впервые стала предметом исследовательского интереса. В 1822 г. писавший о ней П. Кеппен указывал на присутствие в этом храмовом комплексе древней части и более поздних пристроек¹⁹.

Во второй половине XIX столетия автор знаменитой «Истории Тверского княжества» В. С. Борзаковский, ссылаясь на мнение неведомых нам знатоков, полагал, что вертязинская церковь могла быть возведена в XIII в., а её подклет с уцелевшими «старинными фресками» он считал остатками ещё более древнего храма²⁰.

Накануне Первой мировой войны церковь в Городне была осмотрена группой лекторов, участвовавших в работе проходивших в мае–июне 1912 г. в Твери церковно-археологических курсов. Это были В. К. Мясоедов, Н. Л. Окунев и Н. П. Сычёв. Датировав постройку XV в., они отметили «типичную черту псковских церквей» — ступенчатый характер сводов её основного объёма, а также поздние прикладки в подцерковье. К этому же времени исследователи отнесли фреску, сохранившуюся в подклете храма²¹. Годом позже вышеуказанные выводы были повторены А. Н. Вершинским²².

В период Великой Отечественной войны Рождественская церковь пострадала во время осенне-зимних боёв 1941 г. Попавший в постамент барабана снаряд разворотил кровлю на четверике и покосил главу храма²³.

Первую серьёзную обобщающую работу по городнинской церкви написал Н. Н. Воронин. Ей он посвятил целую главу, которая вошла во второй том его капитального труда по истории средневекового зодчества Северо-Восточной Руси. Исследование Воронина опиралось в первую очередь на целый ряд выявленных им позднесредневековых источников, а также на результаты проведённого в 1928 г. визуального обследования памятника и выполненные тогда же схематические обмеры. Детально проанализировав архитектуру храма, автор, по сути дела, повторил принципиальный вывод В. С. Борзаковского о принадлежности подклета более ранней церкви. Правда, в отличие от Борзаковского, Воронин первоначальный храм «разместил» между 1400 и 1412 гг., т. е. ограничил его строительство тем временем, когда тверским великим князем был Иван Михайлович. Ведь именно его в качестве ктитора Рождественской церкви называет источник 1614 г.²⁴ Существующий же храм, ориентируясь на опись 1677 г., в которой строителем церкви назван Борис Александрович Тверской (1425–1461), Воронин отнёс к 1440-м гг., решив, что будет правомерно расположить сооружение второго каменного храма в Городне между строительством в Тверском кремле двух каменных церквей: Борисоглебской (1435–1438) и Михаило-Архангельской (1452–1455)²⁵.

Подчёркивая своеобразие Рождественского храма, Н. Н. Воронин тем не менее склонен говорить об очевидной зависимости тверского зодчества рубежа XIV–XV вв. от московского, которая выражалась в снижении художественных достоинств, в провинциализме и отсталости возведённой тверскими мастерами церкви²⁶.

Н. Н. Воронин полагал, что в подклете храма мог помещаться устроенный, вероятно, ещё в XV в. придел во имя Рождества Иоанна Предтечи. Об этом, на его взгляд, свидетельствовало фресковое изображение Николая чудотворца в алтарной части подцерковья²⁷.

Немало внимания Воронин уделил проблеме реконструкции завершения основного объёма. Учёному не удалось провести натурные исследования, тем не менее в качестве наиболее вероятного варианта реконструкции он предпочёл прямолинейные завершения не только для фасадов четверика, но и для постамента в основании барабана. В результате он избавил венчающую часть основного объёма от закомар и кокошников. Подобная реконструкция выглядела вполне новаторской для советской историко-архитектурной науки того времени. И хотя такой облик храма соотносился со средневековым зодчеством Балкан, Н. Н. Воронин предпочёл аналогии прямолинейным ярусным формам Рождественского храма искать в не существующей к тому времени тверской архитектуре XV в. С этой целью он обратился к изображению Тверского кремля на одной из икон, находившейся когда-то в тверском кафедральном соборе²⁸. В итоге, живописный памятник XVII в. был ошибочно отнесён им к XV столетию²⁹, но зато у церкви в Городне появился аналог, поскольку на этой иконе в составе панорамы Тверского кремля фиксируется столпообразная постройка, каждый ярус которой имеет прямолинейное, лишённое кокошников (закомар) венчание.

На протяжении нескольких страниц Н. Н. Воронин неоднократно возвращается к этой теме, словно ещё и ещё раз пытаясь убедить читателя (и, возможно, самого себя) в верности предложенной реконструкции. Он словно не может избавиться от сомнений, которые, безусловно, подпитывались существовавшим тогда представлением о древнерусском культовом зодчестве XIV – первой половины XV вв., как обязательно наделённым живописным позакомарным с кокошниками завершением. Противоречил его версии и внешний облик храма на рисунке из альбома барона А. Мейерберга (ил. 3). Наконец, предположительность гипотезы Воронина была обусловлена невозможностью обследовать чердачное помещение церкви, дабы определиться с наличием или отсутствием остатков закомар и кокошников.

Исследования, которые были так необходимы Н. Н. Воронину для более полного представления о храме, удалось осуществить в конце 1960-х – 1970-е гг. (ил. 7). Уже на начальном этапе этих работ, после того как была обследована настенная живопись церкви, В. В. Филатов опубликовал результаты изучения фресок и высказал ряд соображений о датировке обследованного здания. Он принял предположение Воронина о замене после пожара 1412 г. одного каменного храма другим, однако счёл ошибочным свидетельство источника 1614 г. о постройке ныне существующей церкви Борисом Александровичем Тверским, решив, что после разборки первоначального храма новую церковь возвели в 1413 г., а несколько позже (не ранее 1414 г.) она была расписана³⁰.

Выводы, сделанные после изучения архитектуры храма, были включены в 1978 г. в кандидатскую диссертацию руководителя реставрационных работ Б. Л. Альтшуллера³¹. Констатируя вслед за Н. Н. Ворониным связь подцерковья

с более ранним сооружением, автор диссертации тем не менее предложил удревнить датировку первоначального храма, сочтя возможным считать его постройкой второй половины – последней четверти XIV в. В качестве аргумента исследователь указал на его технологическую и отчасти типологическую близость Никольской церкви села Каменского, Иоанно-Предтеченскому храму на городище в Коломне и ещё ряду каменных монастырских храмов, раскопанных им в Коломне. Датировав коломенские церкви и храм в Каменском второй половиной – последней четвертью XIV в., Альтшуллер и подклет тверского памятника разместил в этом же хронологическом отрезке.

Пытаясь конкретизировать время постройки Рождественского храма, он предположил, что его сооружение можно рассматривать как свидетельство «замирения» между Московским и Тверским княжествами, проводником которого мог стать митрополит Киприан. В один из своих приездов в Тверь (в 1382 г. или позже) иерарх, по мнению Б. Л. Альтшуллера, мог поспособствовать закладке в Вертязине каменной церкви. При этом исследователь счёл «вполне вероятным» активное участие московских митрополичьих или великокняжеских мастеров в строительстве городнинского храма³².

Альтшуллер считал, что повреждённый в пожар 1412 г. храм «некоторое время стоял в полуразрушенном виде и вполне мог быть объектом наблюдения и подражания» и поэтому не исключал того, что «конструктивные и декоративные формы» первоначальной постройки были недостаточно профессионально повторены в первой трети XV в. при создании новой (верхней) церкви³³.

Б. Л. Альтшуллер вслед за Н. Н. Ворониным допускал, что после перестройки здания в его подклете был, по-видимому, устроен придел. Правда, в отличие от Воронина, он считал, что «малый храм» мог быть посвящён Николаю чудотворцу³⁴. Хотя эта версия вступала в противоречие с источниками XVII в., фиксирующими в вертязинской церкви только придел во имя Рождества Иоанна Предтечи, Альтшуллер также полагал, что во второй половине XIV столетия подцерковье не имело культового назначения³⁵.

Повторив ставшую уже традиционной двухсоставную датировку Рождественского храма, Г. В. Попов своё нежелание распространять строительство верхней церкви на вторую четверть XV в. объяснил тем, что по инициативе Бориса Александровича она, вероятно, была только расписана. Свой вывод исследователь основывал на том, что приведённое в источнике 1614 г. словосочетание «а в церквах образа и всякое строенье церковное великого князя Бориса Тверского» «позволяет думать о создании после 1425 г. только росписи»³⁶. Заметим, правда, что в данном случае он приводит лишь вторую часть источника и опускает первую, текст которой вполне определённо свидетельствует о постройке храма Борисом Александровичем: «...церковь Рождество Пресвятыя Богородицы, что на Городне, соборная церковь да придел Иоанна Предтечи каменная, строенье великого князя Бориса Александровича Тверского...»³⁷. Позже Попов скорректировал свою версию. Он решил вообще не связывать фрески городнинского храма с Борисом Александровичем, датировав их первой четвертью XV в.³⁸

Следует отметить, что, в отличие от Н. Н. Воронина и Б. Л. Альтшуллера, Попов счёл преждевременным предположение этих исследователей о «зависимости» тверского зодчества от московского. На его взгляд, подобные архитектурные формы и резной декор восходят «не к собственно московскому зодчеству, а к традициям, получившим распространение на рубеже XIV–XV вв. в Москве наряду с другими центрами северо-востока Руси». Попов затруднился указать источник резных оснований колонок апсид и порталов, допустив соотнесённость мотива порталных листов-побегов с резной декорацией романского периода или с южнославянским искусством XIII – начала XV вв. Но в то же время уверенно предположил, что характер резьбы Рождественского храма свидетельствует о реальной соотнесённости с балканским миром, причём «более глубинной и почвенной», нежели в Москве³⁹.

Ниже, отмечая скромность и некоторую провинциальность резьбы тверского памятника, он допустил, приняв во внимание контакты митрополита Киприана с Тверью, «если не прямое участие митрополичьих мастеров в местном строительстве, то обращение к их практике или, по меньшей мере, знакомство с их творческой программой». По мнению Г. В. Попова, для Твери, «не обладавшей разветвлённой сетью строительно-художественных кадров и устойчивыми традициями, личный заказ, личная эстетическая ориентация (вероятно, заказчика церкви в Городне — тверского князя. — А. С.) могли сыграть существенную роль». Именно эта ситуация, как считает Попов, объясняет двойственность, а по сути дела некоторое несовершенство вертязинского храма⁴⁰.

В 1989 г. Б. Л. Альтшуллер и А. А. Галашевич, руководители натурных исследований и реставрации Рождественской церкви в Городне, стали авторами небольшого буклета, который включил краткое описание и анализ архитектуры храма, а также ряд основополагающих выводов, в более раннее время нашедших место в диссертации Альтшуллера. Новым в концепции реставраторов стала соотнесённость архитектурного пространства вертязинской церкви с учением исихазма. Весьма важным было также указание на изначальное двухглавие храма. Остатки второго малого барабана были обнаружены над юго-восточным компартиментом четверика, что, по мнению авторов, окончательно определило местоположение Иоанно-Предтеченского придела. Правда, в буклете говорится о том, что вторая главка была возведена не на основном объёме, а «над южной апсидой»⁴¹.

Весьма интересной и во многом новаторской по отношению не только к Рождественскому храму, но и к тверскому средневековому зодчеству в целом является статья В. В. Седова, опубликованная в 1993 г.⁴² Седов не занимается анализом декоративных особенностей церкви. Приняв уже сформировавшееся мнение о датировке тверского храма, он, обратившись к конструктивным формам здания, выделяет в нём «северо-восточные» и «северо-западные» черты. К первым автор относит подклет, характер плана, трёхапсидность, фасадный декор, звёздчатость подкупольного пространства, повышенные подпружные арки, постамент под барабаном. В свою очередь с северо-западной традицией он связывает решение хор, угловые западные палатки и решение восточных углов. Конус под барабаном В. В. Седов считает конструктивной особенностью, которую можно встретить как в

Москве, так и на Северо-Западе Руси. В итоге, исследователь приходит к естественному при таком распределении компонентов церкви выводу, что тверской памятник «занимает как бы промежуточное положение между архитектурой Северо-Востока и Северо-Запада»⁴³.

Однако не всё в выводах Седова представляется бесспорным. Так, например, подклет Рождественского храма может иметь истоки не только в северо-восточной архитектуре (Благовещенский собор Московского кремля), но и в северо-западной. Хозяйственное подцерковье было у Спасо-Преображенского собора 1364 г. в Торжке. И хотя оно больше напоминало подвал, нежели подклет, тем не менее чрезвычайно высокий цоколь новоторжского храма (между сводами подвала и полом церкви была сделана мощная подсыпка)⁴⁴ свидетельствовал о том, что зодчество Северо-Западной Руси включилось в процесс по внедрению в культовое сооружение полуподвального или подклетного этажа. К сказанному добавим, что и в первой половине XV в. не только на Северо-Западе, но и в Москве подклеты были редким явлением.

Принимая во внимание данные источников, сложно также согласиться с возможностью размещения в западных палатках приделов⁴⁵, скорее это просто служебные помещения. А вот версия В. В. Седова о наличии в западной трети храма хор вполне оправдана, поскольку хоры с одной или двумя палатками в западных углах основного объёма действительно характерны для почти всех памятников Новгорода и Пскова XIV – первой половины XV вв.⁴⁶

Ставшая уже аксиомой двухсоставная датировка Рождественской церкви в Городне (конец XIV – начало XV вв.) была повторена и в Своде памятников архитектуры Тверской области, вышедшем в 2002 г. Указав на определённую примитивность во внешнем облике храма, составители каталога, ориентируясь на мнение Б. Л. Альтшуллера, пришли к выводу, что этот памятник свидетельствует «о тесной связи тверского зодчества с архитектурой Московского княжества и христианских балканских стран»⁴⁷.

Событием в истории изучения вертязинского храма стала монография, посвящённая церкви Рождества Богородицы в Городне. Авторами увидевшей свет в 2004 г. книги стали А. А. Галашевич и Г. С. Колпакова⁴⁸. В значительном по объёму издании они в деталях изложили историю храма, проанализировали его архитектуру, осветили процесс реставрации памятника. Подробно была рассмотрена настенная живопись церкви. Работа содержит большое число графических материалов, дающих возможность более зримо «рассмотреть» архитектурные и декоративные особенности здания. Для Галашевича и Колпаковой⁴⁹ храм в Городне — явное свидетельство сопричастности художественной и духовной жизни Твери с проводимой в этот период на Руси митрополитом Киприаном литургической реформой, которая придавала общеправославной практике того времени исихастскую направленность. Поэтому, на их взгляд, некоторое техническое несовершенство здания следует трактовать как адекватную соотносённость аскетических ценностей с мистическим миропониманием исихазма. На нарушение конструктивной и зрительной логики зодчий (и, вероятно, заказчик), по мнению Колпаковой, пошли сознательно,

---

чтобы в итоге создать «выдающееся художественное» произведение, «отмеченное печатью зрелого и весьма индивидуального вкуса и творческого почерка»⁵⁰. Правда, отказавшись от оценки архитектуры храма в Городне как провинциальной и отсталой, исследовательница тем не менее сочла возможным указать на то, что интерьер постройки лишён избыточной космичности и драматизма. Он «проще и сокровеннее», в нём «больше сердечных, сокрушённых, интимных переживаний, происходящих в сердце каждого отдельного человека»⁵¹.

В контексте оправдания художественного несовершенства вертязинского храма Г. С. Колпакова весьма удачно, на наш взгляд, объясняет странноватое расположение окон в центральных пряслах северного и южного фасадов. По её мнению, их смещённость с оси порталов и алогичная врезанность в лопатки были продиктованы необходимостью лучше осветить иконостас и особенно его Деисусный чин⁵². Получается, что мастер, решая функциональную задачу, сознательно пожертвовал композиционной логикой фасада.

Г. С. Колпакова, перу которой принадлежит глава, посвящённая архитектуре храма, традиционно говорит о наличии как новгородских, так и московских черт в архитектуре Рождественской церкви⁵³, хотя при этом она почему-то не указывает на тот факт, что ранее эта мысль довольно отчётливо была сформулирована В. В. Седовым,⁵⁴ который, кстати, в отличие от Колпаковой, расширяет арсенал северо-западных форм в тверском памятнике, говоря не только о новгородских, но и псковских чертах.

Отмечая немалое число «новгородизмов» в вертязинском храме, считая неубедительным мнение о существенном влиянии московского зодчества на развитие тверской архитектуры, Г. С. Колпакова в то же время полагает, что церковь в Городне «чётко заполняет лакуну между Спасским собором Андроникова монастыря, церковью Рождества Богоматери в Московском кремле, Успенским собором на Городке и более поздними московскими постройками — такими, как Троицкий собор Троице-Сергиева монастыря»⁵⁵. Для Колпаковой наиболее зримым аналогом церкви в Городне и соответственно свидетельством увязанности тверского зодчества с московским является Никольский храм села Каменского (ил. 8). Но она же, по сути дела, ставит под сомнение версию о бесспорном влиянии архитектуры этой церкви на тверскую постройку⁵⁶. Близость эта действительно кажется явной только с первого взгляда. Начнём с того, что лицевая поверхность верхнего храма в Городне имеет несравнимо лучшую обработку стеновых блоков, чем в Каменском. Брутальность внешнего облика Никольской церкви усугубляется отсутствием оконных проёмов в четверике и каких-либо вертикальных членений. Рождественская же имеет хотя и слабо выраженные, но лопатки, а её окна откровенно декоративны (ил. 2, 5). Наконец, тверской храм — это двухглавая постройка, а московская — одноглавая.

Различия очевидны и в интерьере. Рождественская церковь наделена не пристенными угловыми опорами, способствующими созданию единого внутреннего пространства, а отдельно стоящими столбами, дробящими интерьер на отдельные зоны, что, кстати, позволяет зримо выявить пространственный крест, который в Каменском лишь только намечен. Нет у Никольского храма и повышенных подпружных арок.

Существенную роль в тверской церкви выполняют западные угловые палатки, которых нет в подмосковном храме. Иначе в первом случае решена и предалтарная зона, где арки, переброшенные от восточных столбов к восточной стене со значительным расширением к востоку, позволяют раскрыть пространство центральной апсиды. В Каменском, в силу отсутствия восточного поперечного нефа, эта «тема» просто не имеет места.

Сближает обе постройки характер организации подкупольного квадрата. При этом ромбовидные, звёздчатые очертания подкупольной зоны Рождественского храма Г. С. Колпакова выводит из Каменского, замечая, правда, что в Городне эта композиционная деталь «кажется нарочито усиленной». Различия автор фиксирует и при рассмотрении конуса в основании барабана. В городнинской церкви «его размеры значительно увеличены, а паруса между конусом и барабаном, ещё отчётливо читавшиеся в Каменском, в Городне сведены к крохотным треугольникам, полностью утратившим прежнее значение для подкупольной зоны»⁵⁷.

Обозначенные различия в оформлении подкупольной конструкции не кажутся принципиальными, однако если намечать эволюционный ряд, то вертязинский храм необязательно ставить за церковь в селе Каменском. Последнюю можно считать, с одной стороны, более упрощённой, а с другой — конструктивно более совершенной репликой тверского памятника. А если учесть все остальные вышеуказанные различия, то у нас отпадает необходимость говорить о каких-то заимствованиях как со стороны городнинского храма, так и со стороны московской церкви. Речь, вероятно, должна идти о параллельном развитии региональных архитектурных школ, близость которых была, по всей видимости, обусловлена единой стилистикой эпохи.

Заметим, что некоторая противоречивость соседствует в монографии А. А. Галашевича и Г. С. Колпаковой с известной долей категоричности, которые, в итоге, снижают убедительность их доводов.

Весьма показательна в этой связи идентификация Галашевичем летописного Городка на Волге. Дабы удревнить происхождение Городни (Вертязина), он известное летописное свидетельство 1391 г. о расширении Старицкого кремля («той же осени прибавиша в городку на Волге с приступа города, и ров копаша»⁵⁸) решил соотнести с Городнёй⁵⁹, хотя исследователи уже давно и небезосновательно связывают это событие со Старицей⁶⁰, где вторая мощная линия оборонительных укреплений сохранилась и поныне.

В поисках ранних сведений о Городне А. А. Галашевич обращается к ещё одному летописному свидетельству — 1312 г., фиксирующему конфликт между Новгородом и Михаилом Ярославичем Тверским, во время которого тверской князь вывел своих наместников из столицы Северо-Западной Руси и, заняв Торжок, прекратил подвоз зерна в город на Волхове. Конфликт разрешился только после того, как новгородцы заплатили 1500 гривен серебра и приняли обратно наместников Михаила⁶¹. При этом договор между сторонами был подписан в «Городке на Волге» и в Торжке⁶², что дало повод Галашевичу считать, что Городок на Волге — это Городня, в которой и произошло подписание грамоты⁶³. Заметим, что в таком определении Городка на Волге он не одинок. К подобному выводу пришёл ещё

Н. М. Карамзин⁶⁴, а в наше время тверской источниковед В. З. Исаков⁶⁵, на исследование которого и ссылается в своей книге А. А. Галашевич. Однако уже В. С. Борзаковский весьма скептически отзывался о столь поверхностном суждении Карамзина⁶⁶. И его понять можно. Ведь Городня от Торжка находится значительно дальше, чем Старица. Более того, чтобы от Торжка добраться до Городни, нужно проехать через Тверь. Зачем в таком случае совершать столь сложные манипуляции? Получается, что посольство минует столицу княжества, чтобы подписать важный для великого князя договор в малозначительном населённом пункте. Старица же в этот период выглядит более представительно. Основанная в 1297 г. как форпост на юго-западных границах Тверского княжества, она, по сути дела, стала вторым по значению городом тверских земель. Второй в списке после Твери она обозначена в завещании Михаила Александровича Тверского (1399 г.) своему старшему сыну и наследнику Ивану Михайловичу. Заметим, что в этом перечне Вертязин (Городня) стоит на последнем (седьмом) месте после Зубцова, Радилова, Вьбрыни и Опок⁶⁷. Поэтому логично предположить, что в Новом Городке = Старице, а не в Городне произошло подписание вышеуказанного договора. Все эти факты позволяют отказаться от предложенных Галашевичем двух дат — 1312 и 1391 гг., — якобы отмечающих существование Городни, и считать наиболее ранней датой упоминания Вертязина (Городни) 1412 г.

Ещё одну отсутствующую в источниках датировку вводит другой автор книги — Г. С. Колпакова. Она априори считает, что первоначальная каменная церковь в Городне, от которой остался только подклет, была возведена Михаилом Александровичем Тверским в 1390 г.⁶⁸ Эта мифическая дата появляется не случайно. В 1390 г. в Твери дважды побывал митрополит Киприан⁶⁹, который, по мнению исследовательницы, не только способствовал утверждению на Руси вполне определённого типа храма (того, что представлен в Каменском и Городне), но и, возможно, подключил своих митрополичьих мастеров к строительству Рождественской церкви в княжеском Вертязине⁷⁰.

Несмотря на неоправданную категоричность при введении датировки храма (1390 г.), эта версия, вне всякого сомнения, имеет право на существование. Но тогда возникает вполне справедливый вопрос, а почему же тогда Киприан не оказал помощь своему ставленнику на тверской кафедре епископу Арсению, когда в середине 1390-х гг. тот вёл строительство в Жёлтиковом монастыре. Ведь все возведённые в этот период в обители здания⁷¹ были, вероятно, деревянными. И лишь только в 1404 г., когда тверские князья завершили строительство в Старице двух каменных храмов (Михаило-Архангельского собора 1398 г. и Никольской церкви 1404 г.)⁷², Арсений смог заложить (в 1404 г.) каменный Успенский собор Жёлтикова монастыря⁷³. Выходит, что владыка, по всей видимости, был вынужден пользоваться той княжеской артелью, которая после завершения собора Жёлтикова монастыря начала строительство новой каменной колокольни (1407 г.) в Тверском кремле⁷⁴. Этот факт позволяет, на наш взгляд, поставить под сомнение версию о масштабной сопричастности Киприана и его мастеров к каменному строительству на Руси.

Характерно, что произвольно «внедрённая» авторами датировка позволила А. А. Галашевичу высказать весьма далёкое от убедительности предположение, свидетельствующее о том, что «вертязинский храм мог стать первой постройкой в Тверском княжестве после длительного перерыва, последовавшего за разорением Твери в 1327 г.»⁷⁵

Свойственная исследователям категоричность вносит «коррективы» не только в тверское зодчество, но и московское. Так, например, Г. С. Колпакова относит создание первого каменного Благовещенского собора Московского кремля к 1360 г.⁷⁶, хотя её соавтор по изучению Рождественской церкви в Городне Б. Л. Альтшуллер датировал московский памятник в широком хронологическом диапазоне: «между серединой 1360-х гг. и 1393 г.»⁷⁷

Без каких-либо оговорок в конце XIV в. отправляет Г. С. Колпакова и подклет Никольского собора в Можайске⁷⁸, в то время как Н. Н. Воронин достаточно убедительно относил его к XVI столетию⁷⁹.

Немало в монографии о Городне и противоречий. К примеру, рассуждая о возможных вариантах завершения храма — «закомарном или лопастном», — Колпакова сначала сетует на тот факт, что над сводами «ни одного фрагмента кладки в верхних частях стен не уцелело», а через страницу сообщает, что, «судя по сохранившимся фрагментам закомар или лопастей, они не отделялись от лопаток капителей»⁸⁰.

В другом случае, настаивая на том, что после кончины Ивана Михайловича и мора 1425 г. «строительство в Тверском княжестве надолго прекратилось», ниже она столь же категорично говорит о том, что после большого тверского пожара 1412 г. восстановление городских построек «приходится на 1421–1435 гг.»⁸¹

Наконец, весьма любопытно Г. С. Колпакова объясняет причину, по которой был выстроен ныне существующий храм в Городне. «Поспешность», с какой сооружалась в 1413 г. церковь, заключалась, по мнению автора, совсем не в том, что Тверь находилась в «ожидании нападения Москвы на пограничную крепость» Вертязин. Князь Александр, оказывается, строил храм во имя «Пречистой Девы и Св. Иоанна Предтечи» для того, чтобы поручить их заступничеству своего отца — великого тверского князя Ивана Михайловича, который в то время находился в Орде, где его жизнь «не просто висела на волоске, а почти гарантированно могла закончиться гибелью». Именно поэтому, полагает Колпакова, Александр Иванович «в марте 1413 г., оставив горевшую сильным пожаром Тверь с многими разрушенными храмами, начинает восстановление Вертязина», дабы «перестройка сгоревшего храма во имя Пресвятой Богородицы с приделом Иоанна Предтечи могла стать актом благодарения за спасение в Орде»⁸².

На наш взгляд, в такой увязке городничинской церкви с судьбой Ивана Михайловича Тверского больше эмоций, нежели реальной оценки событий, хотя исключать это объяснение тоже, вероятно, не стоит. Но за пафосностью рассуждений Г. С. Колпаковой нарушается фактологическая канва событий, поскольку в марте 1413 г. Александр Иванович не мог оставить «горевшую сильным пожаром Тверь», так как пожар в столице Тверского княжества произошёл несколько месяцев спустя —

---

8 июня 1413 г.⁸³ И уж, конечно же, странно выглядит предположение, допускающее наличие зодчих-каменщиков в Городне после катастрофического пожара, во время которого «погоре град Тверь, и князя великого двор, и весь град и стена вся» и 20 церквей⁸⁴. Такое стихийное бедствие, вне всякого сомнения, должно было собрать в Твери все основные строительные силы княжества. Да, тверские летописи не сообщают о каких-то строительных мероприятиях, связанных с восстановлением Твери, но в этих источниках нет сведений и о сооружении Успенского собора Жёлтикова монастыря. Кстати, отсутствие информации об отремонтированных и возведённых заново постройках могло быть обусловлено отсутствием традиции фиксировать на страницах летописей разнообразные послепожарные работы по восстановлению и строительству многочисленных зданий. По Колпаковой же получается, что восстановление Твери начинается «лишь спустя несколько лет после пожара и приходится на 1421–1435 гг.»⁸⁵

Все эти противоречия и порой неточное использование источников позволяют усомниться в правомерности предлагаемой авторами датировки памятника. Говоря о безусловной принадлежности подклета Рождественского храма последней четверти XIV в., они не приводят результатов натурных исследований, которые бы отчётливо свидетельствовали о разборке этого сооружения. А ведь именно этого ждали от монографии А. А. Галашевича и Г. С. Колпаковой их коллеги — исследователи древнерусского зодчества. Получается, что реставраторы даже не попытались выяснить, существуют ли на стыке подклета и верхнего храма какие-либо остатки первоначальной церкви. И если разобрали верхнюю церковь, то почему сохранили своды подклета, которые, вне всякого сомнения, должны были пострадать от пожара не меньше, чем сам храм.

Может быть, конечно, зондажи и делались, но следов разобранной в 1413 г. постройки обнаружить не удалось. Однако об этом нужно было бы сказать. А так выходит, что авторы безоговорочно приняли версию, предложенную когда-то Н. Н. Ворониным. Но гипотеза учёного была обусловлена невозможностью выполнить натурные исследования, и на основе визуального анализа он высказал предположение о принадлежности подклета более раннему зданию. При этом Воронин не выводил его за рамки XV столетия, т. е. ориентировался в своих рассуждениях на источник 1677 г., свидетельствующий о постройке Рождественской церкви во времена Ивана Михайловича Тверского. К сожалению, Б. Л. Альшутлер, а затем А. А. Галашевич и Г. С. Колпакова проигнорировали документальный материал и произвольно ввели для первоначального вертязинского храма и существующего подклета новую, более раннюю дату, отнеся его сооружение к эпохе Михаила Александровича. А ведь эти данные, а также сама архитектура здания позволяют иначе взглянуть на процесс создания каменной церкви в Городне.

Напомним, что восстановление небольшой крепости на берегу Волги началось во второй половине марта и завершилось, по всей видимости, в первой половине июня 1413 г. Заметим, что каменные храмы на Руси закладывали, как правило, в конце весны (мае) и строили в течение лета, нередко уходя в осень. Поэтому в 1413 г. каменную церковь в Городне, вероятно, так и не построили. Полагаем, что

её не создали и в последующие годы. Принимая во внимание отсутствие каких-либо остатков первоначального храма в структуре ныне существующего здания, можно предположить, что весной – летом 1413 г. восстановление Вертязина сопровождалось сооружением деревянных укреплений, а также жилых и хозяйственных построек. В этот же период был, вероятно, возведён каменный подклет под будущую церковь, чем, по-видимому, в 1413 г. и ограничились. При этом подклет мог быть сооружён прежде всего для того, чтобы разместить княжескую «казну». Напомним, что 31 октября 1412 г. сгорел не только храм, но «и двор княж, и много имени княжа и жита, и запас всякой погоре»⁸⁶. Поэтому вполне допустимо предположить, что изначально каменным собирались сделать вообще только подклет, дабы уберечь на будущее княжеский «запас». А подчёркнутый брутализм городнинского подцерковья, некоторая неряшливость его облика может быть объяснена не стиливыми предпочтениями эпохи или особенностями манеры тверских зодчих, а спешкой при создании «казённого» сооружения. Допускаем, что в 1413 г. на каменном подклете могла быть поставлена лишь деревянная Рождественская церковь с приделом Иоанна Предтечи. Возможен также вариант с деревянным храмом, расположенным рядом с каменным подклетом. Каменную же верхнюю церковь возвели только во времена Бориса Александровича, т. е. во второй четверти – середине XV в., что согласуется с данными дозорной книги 1614 г., связывающей строительство вертязинского храма с инициативой Бориса Александровича Тверского.

Растянутость во времени строительства Рождественской церкви в Городне не может служить противопоказанием для подобного вывода. Нам известны случаи, когда сооружение каменного храма растягивалось на несколько десятилетий. Так, например, заложенный в 1378 г. собор Симонова монастыря в Москве был достроен только в 1404 г., а начатое в 1407 г. строительство собора Вознесенского монастыря в Московском кремле в этом же году было остановлено в связи со смертью заказчицы вдовы Дмитрия Донского Евдокии. Собор, вероятно, был возведён немногим выше цоколя («немного ея зделано»), но именно в этом объёме и была похоронена Евдокия. Строительство храма «по многих летех» возобновила жена Василия I, Софья⁸⁷. Сказать, когда это произошло — в период правления Василия Дмитриевича (до 1425 г.) или во второй четверти – середине XV в. (Софья умерла в 1453 г.⁸⁸), сложно. Фраза «по многих летех» вроде бы предполагает продолжение строительства во второй четверти XV в., но на это время приходится тяжелейшая феодальная война, по-видимому прервавшая строительную деятельность в Москве. Поэтому не исключены и последние годы жизни княгини, когда в Москве вновь начали возводить каменные храмы. Возможно, предчувствуя близкую кончину, Софья и решила достроить начатую несколько десятилетий назад церковь. Это тем более вероятно, поскольку похоронили её именно в этом храме, который она успела довести только до «колца», т. е. недостроенным остался лишь барабан. И, наконец, в 1467–1468 гг. начатая ещё в 1407 г. постройка была завершена по инициативе вдовы Василия Тёмного Марии Ярославовны⁸⁹.

В рассказе о работах 1467 г. содержатся весьма любопытные подробности, свидетельствующие о том, что подрядчик Василий Дмитриевич Ермолин не стал

разбирать побывавший в пожарах храм, а лишь заменил своды и обгоревшую облицовку стен. Конечно, Вознесенский собор мог оказаться единственным примером такого бережного отношения к обветшавшему храму, но версия о полной разборке повреждённой пожаром церкви в Городне кажется излишне смелой. Такое мероприятие на фоне большого пожара в Твери представляется каким-то малообъяснимым расточительством. Если же зодчие в Городне поступили подобно мастерам Ермолина, то при реставрации храма более поздние прикладки были бы обязательно выявлены.

В связи со сказанным существующее вот уже несколько десятилетий представление о строительной истории церкви и её датировке требует некоторой корректировки. На наш взгляд, у сохранившегося храма в Городне, по всей видимости, никогда не было каменного предшественника, а его подклет был сооружён в 1413 г. в период восстановления крепости после пожара. В этот период храм Вертязина был восстановлен как деревянное сооружение с двумя престолами: основным Рождественским и придельным во имя Иоанна Предтечи, которые вполне увязывались (особенно Иоанновский придел) с правившим в то время в Твери князем Иваном Михайловичем.

Верхний же храм выстроили во второй четверти – середине XV в. по инициативе Бориса Александровича Тверского, поэтому для него допустима датировка, которая была предложена Н. Н. Ворониным и спустя 30 лет поддержанная В. В. Седовым, — 1440-е гг. Однако у вышеуказанных авторов эта версия не имеет какой-либо серьёзной аргументации. Воронин просто «разместил» вертязинскую церковь между двумя постройками Тверского кремля, возведёнными в 1435–1438 (Борисоглебский храм) и в 1452–1455 гг. (Михайловская церковь), а Седов лишь повторил её, по-видимому согласившись с мнением Воронина. Тем не менее отчасти такая дата подтверждается наличием в кладочных швах вертязинского храма обломков кирпича⁹⁰, а этот строительный материал, как показывают раскопки последних лет, на территории Твери встречается в слоях первой половины – середины XV в.⁹¹

Предположение о строительстве Рождественского храма в 40-е гг. XV в. косвенно может быть объяснено сквозь призму событий, происходивших в Тверском княжестве в 1446 г. В этом году Тверь приняла бежавшего из Вологды великого московского князя Василия Тёмного, затем к нему стали стекаться московские бояре, ранее примкнувшие к Дмитрию Шемяке⁹². Превратившаяся на короткое время в столицу Руси столица Тверского княжества могла в это время испытать что-то вроде строительного бума, что, к примеру, отчасти подтверждается реконструкцией Фёдоровского монастыря и созданием здесь «города» Любовена, а также перестройкой соборного Фёдоровского храма⁹³. Не в этот ли период была создана каменная церковь в Городне, стоящей на пути из Москвы в Тверь. Известно ведь, что Борис Александрович восстановил «град в области Клинской въздвигнуый»⁹⁴. Не исключено, что эти деяния были обусловлены желанием тверского князя усилить значение своего княжества, которое, в связи с приездом Василия II и его двора в Тверь, неожиданно видоизменило свой статус. А эта корректировка могла способствовать росту репрезентативности не только в Твери, но и в других населённых

пунктах, тесно связанных с тверским великокняжеским двором, где могли строиться новые и обновляться старые храмы.

Архитектура Рождественской церкви по-своему уникальна, поскольку с большими оговорками может быть вписана в любой архитектурный ряд. У этой оригинальности могут быть, на наш взгляд, два основных источника: более раннее тверское средневековое зодчество и конкретная ситуация, сложившаяся в период строительства храма. Не исключено, конечно, и балканское влияние, но в тверских землях пока не найдено построек с угловыми опорами, а внешний облик вертязинской церкви далёк от подчёркнутой лапидарности каменского храма. Поэтому логично искать особенности Рождественской церкви в Городне в самом тверском зодчестве, начало формирования которого прошло под влиянием Северо-Запада и владимиро-суздальского архитектурного наследия. Ярким примером тому служит собор Отроча монастыря в Твери, строительство которого можно отнести ко второй половине – концу XIII в.⁹⁵ На уровне плана это сооружение вполне может считаться близким аналогом церкви в Городне. Да и особенности кладки Никольского храма в Старице позволяют с некоторыми оговорками соотносить его с вертязинской церковью.

Вторым источником архитектурных форм Рождественского храма мог стать характер заказа, поскольку некоторое эстетическое несовершенство постройки могло быть обусловлено тем, что контроль за процессом сооружения церкви в небольшой и не самой важной крепости княжества был отдан на откуп местным силам (например, священству), для которых желание лучше осветить иконостас могло превалять над потребностью добиться гармоничной организации фасадной плоскости. Отсюда, возможно, «растворяющиеся» в верхней половине четверика лопатки и хаотичная расстановка оконных проёмов. Хотя нельзя исключать и того, что такой «авангардистский» облик храма мог быть обусловлен художественными вкусами великого князя.

¹ ПСРЛ. СПб., 1897. Т. XI. С. 219–220.

² Там же. С. 221.

³ Инока Фомы слово похвальное // ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 298.

⁴ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М., 1962. Т. II. С. 400.

⁵ Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М., 2005. С. 161, 162, 163, 164.

⁶ Цит. по: Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси... С. 400.

⁷ Там же. С. 400–401.

⁸ Галашевич А. А., Колпакова Г. С. Храм Рождества Богородицы в Городне на Волге. М., 2004. С. 24.

⁹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси... С. 401; Галашевич А. А., Колпакова Г. С. Храм Рождества Богородицы в Городне... С. 24.

¹⁰ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси... С. 411.

¹¹ Галашевич А. А., Колпакова Г. С. Храм Рождества Богородицы в Городне... С. 24–25.

¹² ГАТО. Ф. 160. Оп. 3. Д. 3238. Л. 1.

¹³ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16486. 1799 г. Л. 264.

¹⁴ ГАТО. Ф. 160. Оп. 3. Д. 3239. 1741 г. Л. 1 – 1 об.

¹⁵ ГАТО. Ф. 160. Оп. 3. Д. 3244. 1759 г. Л. 1.

-
- ¹⁶ *Галашевич А. А., Колпакова Г. С.* Храм Рождества Богородицы в Городне... С. 27.
- ¹⁷ ГАТО. Ф. 160. Оп. 3. Д. 3301. Л. 1 и ещё ряд дел за 1849, 1894 и 1897 гг., выбывших из ГАТО.
- ¹⁸ ГАТО. Ф. 160. Оп. 3. Дело выбыло.
- ¹⁹ *Кеппен П.* Список русским памятникам. М., 1822. С. 37.
- ²⁰ *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. Тверь, 1994 (повтор издания 1876 г.). С. 45.
- ²¹ *Крылов Л.* Церковно-археологические курсы в городе Твери (28 мая – 8 июня 1912 г.). Тверь, 1912. С. 47.
- ²² *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси... С. 401.
- ²³ *Галашевич А. А., Колпакова Г. С.* Храм Рождества Богородицы в Городне... С. 34.
- ²⁴ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси... С. 400.
- ²⁵ Там же. С. 401, 445.
- ²⁶ Там же. С. 424–425.
- ²⁷ Там же. С. 403.
- ²⁸ Там же. С. 406–412, 392.
- ²⁹ Более подробно об этом см.: *Салимов А. М.* Тверской Спасо-Преображенский собор. История и проблемы изучения. Тверь, 2008. С. 134–145.
- ³⁰ *Филатов В. В.* Фрагмент фрески церкви Рождества Богородицы в селе Городня // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV–XVI вв. М., 1970. С. 364.
- ³¹ *Альтиуллер Б. Л.* Памятники зодчества Московской Руси второй половины XIV – начала XV веков: дис. ... канд. архитектуры. М., 1978.
- ³² Там же. С. 124–126, 129.
- ³³ Там же. С. 125–126.
- ³⁴ Там же. С. 132–133.
- ³⁵ Там же. С. 133.
- ³⁶ *Попов Г. В.* Иконопись // *Попов Г. В., Рындина А. В.* Живопись и прикладное искусство Твери. XIV–XVI века. М., 1979. С. 98–99. Позже Г. В. Попов указал на второе десятилетие XV в. как наиболее вероятное время строительства храма: *Попов Г. В.* Тверская икона XIII–XVII веков. СПб., 1993. С. 19.
- ³⁷ Цит. по: *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси... С. 400.
- ³⁸ *Попов Г. В.* Тверская икона XIII–XVII веков... С. 32.
- ³⁹ Там же. С. 98–99, 100.
- ⁴⁰ Там же. С. 100.
- ⁴¹ *Альтиуллер Б. Л., Галашевич А. А.* Церковь Рождества Богородицы. Калинин, 1989. С. 3–5, 25.
- ⁴² *Седов В. В.* Черты архитектуры Северо-Западной Руси в церкви Рождества Богородицы в Городне // Новгородские древности / Архив архитектуры. М., 1993. Вып. IV. С. 62–69.
- ⁴³ Там же. С. 66–67.
- ⁴⁴ *Салимов А. М., Романов В. В., Салимова М. А.* Спасо-Преображенский собор 1364 года в Торжке: итоги и перспективы изучения // АН. М., 2010. Вып. 52. С. 35–37.
- ⁴⁵ *Седов В. В.* Черты архитектуры Северо-Западной Руси... С. 63.
- ⁴⁶ Там же. С. 63–64.
- ⁴⁷ Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Тверская область / отв. ред. Г. К. Смирнов. М., 2002. Ч. 1. С. 19–20.

- ⁴⁸ *Галашевич А. А., Колтакова Г. С.* Храм Рождества Богородицы в Городне... Годом ранее Г. С. Колпакова опубликовала статью, посвящённую храму в Городе: *Колтакова Г. С.* Храм Рождества Богородицы в Городне на Волге. Особенности композиции // «Государева дорога» и её дворцы. Тверь, 2003. С. 190–219. Без особых изменений она вошла в состав книги.
- ⁴⁹ Анализ архитектуры храма выполнен Г. С. Колпаковой.
- ⁵⁰ *Колтакова Г. С.* Храм Рождества Богородицы. Конец XIV века, около 1412 года // *Галашевич А. А., Колтакова Г. С.* Храм Рождества Богородицы в Городне... С. 60–62, 51.
- ⁵¹ Там же. С. 66–67.
- ⁵² Там же. С. 62.
- ⁵³ Там же. С. 42–80.
- ⁵⁴ При этом следует отметить, что с его статьёй, вышедшей в 1993 г., она была знакома. Ссылку на неё можно найти в примечаниях к тексту.
- ⁵⁵ *Колтакова Г. С.* Храм Рождества Богородицы... С. 73–74.
- ⁵⁶ Там же. С. 51–54, 61.
- ⁵⁷ Там же. С. 60, 61.
- ⁵⁸ ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 445.
- ⁵⁹ *Галашевич А. А.* Городня — древний город Вертязин // *Галашевич А. А., Колтакова Г. С.* Храм Рождества Богородицы в Городне... С. 12.
- ⁶⁰ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси... С. 373; *Романов В. В.* О владельческой принадлежности Старицы (Городеска) в XIV веке // Новоторжский сборник. Торжок, 2009. Вып. 2. С. 24.
- ⁶¹ ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 186.
- ⁶² *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842. Кн. I. Прим. к Т. IV. С. 92. Прим. 221.
- ⁶³ *Галашевич А. А.* Городня — древний город Вертязин... С. 12.
- ⁶⁴ *Карамзин Н. М.* История государства Российского... Кн. I. Прим. к Т. IV. С. 92–93. Прим. 221.
- ⁶⁵ Тверские летописи / вступ. статья, переводы и примеч. В. З. Исакова. Тверь, 1999. С. 193. Прим. 327.
- ⁶⁶ *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества... С. 39, 292. Прим. 151.
- ⁶⁷ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. VIII. С. 74; ПСРЛ. СПб., 1897. Т. XI. С. 180.
- ⁶⁸ *Колтакова Г. С.* Храм Рождества Богородицы... С. 73.
- ⁶⁹ *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 223–224.
- ⁷⁰ *Колтакова Г. С.* Храм Рождества Богородицы... С. 74.
- ⁷¹ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 164.
- ⁷² *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси... С. 375.
- ⁷³ ПСРЛ. Т. VIII. С. 77.
- ⁷⁴ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 473.
- ⁷⁵ *Галашевич А. А.* Городня — древний город Вертязин... С. 18.
- ⁷⁶ *Колтакова Г. С.* Храм Рождества Богородицы... С. 45.
- ⁷⁷ *Алешковский М. Х., Альтиуллер Б. Л.* Благовещенский собор, а не придел Василия Кесарийского // Советская археология. М., 1973. № 2. С. 95.
- ⁷⁸ *Колтакова Г. С.* Храм Рождества Богородицы... С. 45.
- ⁷⁹ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси... С. 277–278.
- ⁸⁰ *Колтакова Г. С.* Храм Рождества Богородицы... С. 68, 70.
- ⁸¹ Там же. С. 71–72.
- ⁸² Там же. С. 50.

---

⁸³ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 486.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Колпакова Г. С. Храм Рождества Богородицы... С. 72.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. XI. С. 219–220.

⁸⁷ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси... С. 185–186; 265, 264; Выголов В. П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988. С. 42–48.

⁸⁸ Зимин А. А. Витязь на распутье. М., 1991. С. 153.

⁸⁹ Выголов В. П. Архитектура Московской Руси середины XV века... С. 42–48.

⁹⁰ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси... С. 402.

⁹¹ Сафарова И. А. Строительная керамика из исследований Загородского посада г. Твери (по материалам раскопа № 119) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2010. Вып. 6. С. 136. Кирпич есть и в пятах сводов подклета, но А. А. Галашевич и Г. С. Колпакова никак не комментируют этот факт, поэтому не исключено, что он относится к более поздним вычинкам.

⁹² ПСРЛ. Т. 15. Стб. 493.

⁹³ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 493; Инока Фомы слово похвальное... С. 298.

⁹⁴ Инока Фомы слово похвальное... С. 298.

⁹⁵ Салимов А. М., Булкин В. А. Успенский собор тверского Отроча монастыря // АН. М., 2007. Вып. 47. С. 34–49.